

ДЕВУШКА НА ВЕЧЕРНЮЮ СМЕНУ

ЛОЕС МОРРЕН

Лоес Моррен

Девушка на вечернюю смену

«Автор»

2026

Моррен Л.

Девушка на вечернюю смену / Л. Моррен — «Автор», 2026

Если он сядет у окна, скажи, что меня больше здесь нет. Анна Рид находит записку в фартуке исчезнувшей официантки. Теперь это её фартук, её вечерняя смена и её место за стойкой маленького кафе. Хозяйка уверяет: Эмили просто уехала. Но после закрытия с номера пропавшей девушки приходит сообщение: Если я попрошу тебя открыть дверь ночью, не верь мне. Вскоре Анна замечает следы чужого присутствия в своей комнате. Кто-то знает, сколько сахара она кладёт в чай. Где оставляет вещи. Когда гасит свет. И присылает фотографии, которых не должно существовать. Анна хочет уйти. Пока не обнаруживает, что с этим кафе связана её сестра, исчезнувшая шесть лет назад. Теперь каждое предупреждение Эмили может приблизить её к правде или завести туда, откуда девушка так и не вернулась. А человек, обещающий Анне защиту, уже знает, где лежит запасной ключ.

© Моррен Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лоес Моррен

Девушка на вечернюю смену

Глава 1

На третьем собеседовании за день я впервые лгу.

— Вечерние смены меня вполне устраивают, — говорю я.

Они меня не устраивают. Последний автобус уходит в половине одиннадцатого, а возвращаться пешком через промзону я не собираюсь, но женщина за стойкой уже дважды посмотрела на часы. Если сейчас начну перечислять условия, она пожмёт плечами так же, как мужчина в пекарне и управляющая маленьким отелем возле вокзала.

— Мы закрываемся в десять, — отвечает она. — Иногда приходится задержаться. По пятницам особенно.

Я снимаю с плеча сумку и ставлю между ног, пряча намокшее дно под стойкой. Женщина замечает это, но ничего не говорит.

В кафе тепло, пахнет молотым кофе и маслом, на котором только что поджаривали хлеб. За мокрым стеклом размываются буквы The Lantern. У окна две пожилые женщины спорят из-за кроссворда.

— Раньше обслуживали столики?

— В студенчестве. Последние три года работала в магазине товаров для дома.

— Ушли сами?

— Магазин закрылся.

Она кладёт на стойку анкету и ручку. На её пальцах два тонких кольца, одно свободно перекатывается.

— Клэр Беннетт. Если всё получится, будете обращаться ко мне просто Клэр.

— Анна Рид.

— Я помню ваше письмо.

Заполняю анкету стоя. На строке с адресом задерживаюсь: комнату, которую снимаю до воскресенья, уже обещали кому-то ещё.

Клэр разворачивает бланк к себе. Её взгляд останавливается на верхней строке, затем возвращается к моему лицу. Я начинаю вспоминать, не поставила ли случайно сегодняшнюю дату вместо дня рождения.

— Рид, — произносит она. — Вы местная?

— Последние три года живу здесь. До этого в Лидсе.

— Семья тоже переехала?

— Мама осталась там.

Я не добавляю ничего, и после небольшой паузы Клэр подвигает анкету обратно. Из кухни доносится звон, кто-то негромко ругается, а одна из пожилых посетительниц спрашивает, не забыл ли весь персонал о её тосте. Я почти благодарна ей за это.

— Насчёт адреса, — говорю я. — Возможно, на следующей неделе он изменится. Телефон останется тот же.

— Проблемы с жильём?

— Заканчивается аренда. Ищу другую комнату.

— У меня есть свободная через дорогу. Бывшая сотрудница жила, но недавно освободила. Небольшая, зато отдельная ванная на этаже и никаких соседей за стеной.

Она называет цену. Я поднимаю голову: меньше, чем за мою нынешнюю каморку с шумным холодильником и чужой сковородкой в раковине. Клэр принимает моё молчание за сомне-

ние и добавляет, что можно сначала посмотреть, а плату вычитать из заработка, если договоримся.

— Мне бы хотелось понимать условия заранее, — говорю я. — Что будет, если работа не подойдёт?

— Тогда дадим вам время съехать. Я не выставлю людей ночью под дождь.

Я смотрю на дождь за окном и понимаю, что уже мысленно переношу чемодан через дорогу. На новую комнату откладывать не из чего.

У входной двери на корточках сидит мужчина в сером свитере. До сих пор я принимала его за посетителя, уронившего что-то под стол, однако теперь он поднимается с отвёрткой в руке и несколько раз проверяет доводчик. Дверь послушно возвращается на место, не ударяя о раму.

— Теперь хотя бы не будет хлопать, — говорит он Клэр. — Только не подпирайте её опять ведром.

— Объясни это доставщикам.

Мужчина поворачивается ко мне. У него усталое лицо и влажные тёмные волосы; на запястье широкий тканевый браслет. Он замечает, что я пытаюсь поднять сумку, не задев её грязным дном юбку, и берётся за ручки.

— Куда поставить?

— Я сама, спасибо.

— В подсобке суше. Здесь всё равно будут мыть.

Я отпускаю ручку. Клэр возвращает мне анкету, показывает ставку и просит расписаться под условиями пробной смены. День оплачивается полностью; от облегчения я чуть сильнее, чем нужно, прижимаю ручку к бумаге.

— Дэниел, — представляется мужчина. — Если что-то не открывается, не закрывается или капает, обычно зовут меня.

— А если посетитель недоволен? — спрашиваю я.

— Сначала проверьте, не капает ли на него.

Я улыбаюсь впервые за этот день. Из кухни выходит девушка с короткими кудрями и закатанными рукавами, забирает у Клэр чистую чашку и смотрит на меня с любопытством. На её бейдж написано «Майя».

— Наша новая?

— Посмотрим, — отвечает Клэр. — Покажи Анне, где оставить вещи.

Майя уводит меня за стойку, придерживая плечом дверь. Иду за ней, пряча улыбку. Несколько минут назад у меня не было ни работы, ни комнаты; теперь, кажется, есть и то и другое.

В подсобке тесно от коробок, чистых скатертей и чужих курток. Над сушилкой для рук висит список смен, где моё имя вписано синим поверх аккуратно зачёркнутой строки. Я задерживаюсь возле него, пытаюсь разобрать буквы под чертой, но Майя уже отпирает узкий металлический шкафчик.

— Этот пока твой. Нормальный замок здесь только на двух, второй мой, так что тебе повезло.

Из шкафчика выскальзывает фартук, и я ловлю его у самого пола. Пахнет порошком, духами и кофе; на верхней полке остаётся бордовая помада.

— Здесь чьи-то вещи.

— Эмили. Я думала, она забрала.

Майя произносит имя тише, чем всё остальное. Забирает у меня фартук, проверяет карманы и кладёт на полку рядом с помадой сложенную бумажку. Мне кажется, это чек, но на наружной стороне нет печатных букв.

— Она уволилась? — спрашиваю я.

— Вроде того. Клэр сказала, уехала.

— А сама Эмили что сказала?

— Мне — ничего.

Майя переставляет чужую ветровку. Торчащий из кармана абонемент в бассейн задвигает поглубже и дёргает молнию.

— Извини. Просто не хочется в первый день занять чей-нибудь шкафчик.

— Он ей больше не нужен. Сумку ставь вниз, только сначала подложи пакет. С потолка иногда течёт, Клэр думает, что мы сами проливаем.

Бумажка застревает под рукавом фартука. Разворачиваю её. Почерк мелкий, с наклоном вправо; на последнем слове продавлена бумага.

«Если он сядет у окна, скажи, что меня больше здесь нет».

Я смотрю на Майю. Та замечает выражение моего лица, берёт записку, быстро пробегает глазами и возвращает мне. За дверью грохочет кофемолка, и мы обе машинально ждём, пока она закончит.

— Кто он?

— Не знаю.

— Кто-то приходил к ней?

Майя прислоняется к шкафчику напротив. Смотрит на дверь, словно прикидывает, сколько времени у неё есть.

— Один мужчина сидел здесь подолгу. Иногда ничего не заказывал, пока Клэр не начала возмущаться. Эмили просила меня обслуживать его стол, когда могла.

— Он ей угрожал?

— При мне нет. Я спрашивала, нужно ли кого-нибудь позвать. Она говорила, что сама разберётся.

В зале много окон. Такое указание можно оставить человеку, который и без объяснений поймёт, о ком речь.

— А имя?

— Если бы знала, сказала бы. Слушай, может, он её бывший. Люди не обязаны рассказывать нам всё, только потому что мы вместе режем хлеб.

Она говорит резче, чем до этого, и тут же отводит глаза. Я складываю записку по старому сгибу; палец чувствует жёсткую бороздку от нажима ручки. Не похоже, чтобы её написали давно и успели забыть.

Дверь открывается, заставляя Майю отступить. На пороге стоит Клэр, и в тесном помещении сразу становится труднее двигаться. Она оглядывает открытую дверцу, фартук у меня в руках и помаду на полке.

— Мы работаем или перебираем гардероб?

— Освобождаем шкафчик, — отвечает Майя.

— Всё, что не нужно, в пакет. Поставьте к заднему входу, я потом разберу.

— Может, позвонить Эмили? — спрашиваю я. — Вдруг ей нужна косметика.

Клэр смотрит на меня поверх очков. Я уже хочу объяснить, что всего лишь не люблю выбрасывать чужие вещи.

— Если понадобится, она знает наш номер. Чистый фартук один у Майи в стирке, поэтому этот пока надевайте. Он выстиран.

Клэр уходит, оставив дверь открытой. Майя выдыхает и протягивает фартук.

— Не принимай на свой счёт. У неё тяжёлая неделя.

— Из-за Эмили?

— Из-за всего. Поставщик перепутал заказ, посудомойка опять не сливает воду. А я, видишь ли, не могу выходить по четвергам.

— Почему?

— Потому что у меня ещё есть жизнь. Небольшая, но я ею дорожу.

Я смеюсь, и она улыбается в ответ. Забирает у меня анкету, обещает показать кассу, а я кладу чужую помаду в пакет с ветровкой и пристраиваю его на нижней полке. Записку почему-то оставляю себе, сунув в карман фартука; возможно, вечером всё-таки попрошу номер Эмили.

Фартук мне велик. На внутреннем шве синими нитками вышиты две маленькие буквы — E W, и я перебираю завязки, прежде чем затянуть узел. Майя ждёт в дверях, держа поднос на бедре.

— Первое правило, — говорит она. — Если не знаешь, что заказали, переспроси. Второе — не верь людям, которые говорят, что им без разницы, какой чай.

Я выхожу следом и чуть не задеваю подносом дверную раму. В ту же секунду над входом звенит колокольчик. Сквозняк касается мокрых волос на моей шее, и я поворачиваюсь к двери, прежде чем успеваю об этом подумать.

Мужчина в тёмном пальто останавливается на пороге. Не ищет свободное место, не смотрит на меню над стойкой — сначала обводит взглядом зал, задерживается на мне, потом проходит к дальнему окну. За столиком стоит табличка «Зарезервировано», и он просто отодвигает её к стене.

Майя медленно ставит поднос. Я понимаю, кто вошёл, ещё до её слов:

— Анна, я могу сама.

— Что-нибудь не так? — спрашивает Клэр из-за кассы.

Майя качает головой. В кухонном окошке появляются две тарелки с тостами, пожилая женщина поднимает руку, требуя внимания, а парень у двери просит кофе навынос и очень торопится. Я беру блокнот, потому что стоять и смотреть на посетителя ещё нелепее, чем подойти к нему.

Вблизи ему не больше сорока. Неровная щетина, белый шрам возле глаза; пальцы соскабливают со стола засохший клей.

— Что вам принести?

— Кофе. Чёрный.

— Американо?

— Да.

Я спрашиваю про сахар, чтобы заполнить паузу. Он пропускает вопрос мимо ушей.

— Эмили сегодня нет?

— Она больше здесь не работает.

— Когда ушла?

— Я не знаю. У меня первый день.

Он смотрит на блокнот, затем на карман моего фартука. Бумажка внутри касается бедра, и я вдруг слышу собственное дыхание, короткое, как после лестницы. Мне хочется сказать ровно то, что от меня просили, и закончить этот разговор.

— Её больше здесь нет, — повторяю я.

— Она сама вам это сказала?

— Послушайте, я действительно только сегодня пришла. Могу позвать хозяйку.

Он подаётся вперёд, не убирая рук со стола. Рубашка под пальто промокла.

— Она не могла вам этого сказать.

Я убираю блокнот в карман и задеваю записку. Пока она была просто чужой бумажкой, её можно было выбросить или вернуть; теперь я чувствую себя пойманной на том, что прочитала предназначенное не мне. Он следит за моим движением и вдруг меняется в лице.

— Откуда у вас это?

— Что?

— Фартук.

Сзади раздаётся голос посетителя: он спрашивает, сколько нужно времени, чтобы сделать один кофе. Я оборачиваюсь к стойке, надеясь поймать взгляд Майи, но та спорит с кассой, а Клэр уже идёт к нам. Мужчина отодвигает стул.

— Я задал вопрос.

— Мне его выдали, — говорю я. — Если вы хотите поговорить об Эмили, пожалуйста, обратитесь к Клэр.

— Снимите его.

Он произносит это без крика, словно я обязана выполнить. За соседним столиком перестают помешивать чай.

— Простите?

— Это её фартук. Снимите.

Клэр встаёт между нами. Отступая, я упираюсь коленом в свободный стул.

— Вы мешаете моему персоналу, — говорит Клэр. — Мы уже обсуждали это. Не заставляйте меня снова вызывать полицию.

Он смотрит на Клэр с ненавистью. В тихом зале слышно, как на кухне шипит масло.

— Где она, Клэр?

— Вы прекрасно знаете, что я не отвечаю за взрослых людей после увольнения.

— Зато умеете говорить за них.

Дэниел появляется рядом без спешки. Он уже убрал инструменты и надел куртку, но на рукаве осталась светлая полоса штукатурки. Не прикасаясь к мужчине, он показывает на дверь.

— Давай выйдем. Здесь люди едят.

— Отойди.

— Ты напугал девушку. Она не знает ничего про ваши дела.

Мужчина смотрит на меня через плечо Клэр. Я жду, что он возразит, назовёт имя, объяснит хотя бы одно из своих требований, но он молчит. Потом поднимает со стола табличку и аккуратно ставит её на прежнее место.

Дэниел идёт рядом с ним до двери. Под навесом они обмениваются несколькими словами. Мужчина резко поворачивает голову к нашему окну, и я отвожу глаза раньше, чем понимаю зачем.

Майя подходит с так и не поданным кофе. Я качаю головой, и она ставит чашку на стойку.

— Он всегда такой?

— Сегодня хуже.

— Почему ты не сказала Клэр про записку?

Майя поднимает глаза, но ответить не успевает. Клэр возвращается к кассе и просит нас заняться залом: заказов не стало меньше, если один посетитель решил устроить спектакль. Одна из женщин за столиком с кроссвордом берёт меня за локоть, когда я прохожу мимо.

— Вы не слушайте. Человек явно не в себе.

Дэниел возвращается, спрашивает, всё ли нормально.

— Да. Спасибо.

— Если снова появится, не разговаривай с ним сама. Зови кого-нибудь из нас.

Он забирает чашку со стойки и уносит её на кухню. Смотрю ему вслед с благодарностью и стыдом: не следовало бы так пугаться грубого незнакомца. Потом достаю из кармана салфетку и вижу, что на ней остался мокрый отпечаток моей ладони.

Следующие три часа я учусь кассе и стараюсь не вздрагивать от колокольчика. К девяти ладони пахнут мокрой тканью, а ступни гудят.

Он не возвращается. Спросить о нём у Клэр некогда: то приезжает курьер, то ломается принтер чеков, то нас пытаются убедить, что правило о животных не касается терьеров.

Когда мы наконец переворачиваем табличку на двери, я смотрю на улицу. За стеклом отражаются наши лампы и ряд пустых столиков; сначала ничего больше не видно. Потом в просвете между двумя отражениями различаю человека на противоположном тротуаре.

Он стоит у аптеки, в стороне от фонаря. Лицо не разглядеть, но пальто похоже.

— Майя.

Она подходит, вытирая руки полотенцем. В эту секунду мимо проходит автобус, загорает аптеку, а когда проезжает, место у фонаря пустует. Майя смотрит на меня, потом на улицу и прикусывает щёку изнутри.

— Он стоял там, — говорю я.

— Ты уверена?

— Не совсем.

Это честный ответ, но произнести его неприятно. Клэр слышит наш разговор, опускает жалюзи и просит Майю закончить кухню. Мне протягивает конверт с оплатой за смену; сумма совпадает с той, которую мы обсуждали, до последней мелочи.

— Завтра к четырём. Комнату посмотрите сейчас. Дэниел как раз собирается уходить, он отнесёт ключ.

Возле кассы лежит разобранный принтер. Дэниел убирает снятую панель, моет руки и надевает куртку.

Мы с Майей обмениваемся номерами. Она записывает меня как «Анна новая», стирает второе слово и смеётся: у неё уже три Анны. Я прошу написать, когда она доберётся домой, и тут же чувствую, как просьба меня выдаёт.

— И ты, — отвечает Майя уже без улыбки.

Дэниел забирает мою сумку и предлагает съездить за чемоданом. Я отказываюсь: таскать вещи в дождь нет сил.

— Тогда просто посмотрим, — говорит он.

Пока Дэниел запирает дверь, я оглядываюсь на пустой тротуар у аптеки. Сквозь щель в жалюзи видна Майя со шваброй.

Дом напротив выглядит пустым. На первом этаже покрашенные витрины бывшего магазина, над ними два тёмных окна, и только в третьем горит маленький квадрат света. Дэниел открывает боковую дверь и пропускает меня в узкий коридор.

— Здесь раньше тоже были комнаты для приезжих, — объясняет он, включая свет на лестнице. — Сейчас Клэр сдаёт только одну. Остальные надо приводить в порядок.

Две двери на площадке заперты. На третьей матовая цифра три; возле перил свежая краска, ступени стёрты.

Моя комната оказывается лучше, чем на которую я надеялась. Узкая кровать с ровно заправленным серым покрывалом, стол у окна, шкаф и невысокий комод. На стене над ним остался светлый прямоугольник, а по углам четыре крошечных отверстия.

— Здесь висело зеркало? — спрашиваю я.

— Треснуло. Пока не заменили.

Дэниел показывает ванную через коридор. Чистая раковина, своя задвижка, тёплая батарея — почти роскошь после прежнего жилья.

Вернувшись, замечаю у кровати небольшую лампу с тёмным стеклянным основанием. Дэниел включает её, переставляет на ладонь вправо и разворачивает плафон. Тёплый свет ложится на подушку, оставляя остальную половину кровати в тени.

— Вот так. Будет удобно читать, если ляжешь с этой стороны.

Он разглаживает пальцами складку покрывала. Жест короткий, будничный, но я всё равно перестаю развязывать шарф и жду, когда он отойдёт от кровати. Потом злюсь на себя за это ожидание: человек просто проверяет, всё ли исправно.

— Спасибо. Дальше я сама устроюсь.

— Разумеется.

Он протягивает мне ключ. На его связке слишком много похожих ключей, чтобы понять, есть ли второй от моей двери. Прежде чем успеваю решить, стоит ли спрашивать, Дэниел говорит, что запасной у Клэр на случай протечки.

— Ты ведь у нас надолго? — спрашивает он.

— Посмотрим, как справлюсь.

— Сегодня нормально справилась. Не обращай внимания на того человека.

— Вы его знаете?

Дэниел убирает связку в карман. С площадки тянет запахом пыли и старого дерева, а в комнате ещё чувствуется краска. Он смотрит на дверь, словно проверяет, не забыл ли что-нибудь в коридоре.

— Приходил раньше. Лучше не поощрять такие разговоры. Спокойной ночи, Анна.

Я закрываю дверь, поворачиваю ключ и остаюсь стоять, прислушиваясь к его шагам. Они спускаются вниз, потом хлопает уличная дверь. Лишь после этого снимаю пальто, кладу его на спинку стула и делаю фотографию комнаты.

Маме отправлю утром, иначе позвонит и начнёт расспрашивать. Пока хочется только снять мокрые колготки.

Из окна виден The Lantern. Клэр уносит что-то со стойки, Майя выливает воду в ведро; потом по очереди гаснут лампы над столиками. С моего места хорошо просматривается весь зал до служебной двери, словно я сижу на верхней ступени театра.

Пересчитываю оплату, откладываю деньги на автобус. Потом достаю зарядку.

Вместе с проводом вытаскиваю фартук. Машинально забрала его в подсобке вместо того, чтобы повесить на крючок.

На тёмной ткани почти не видны две маленькие буквы. Я провожу по ним пальцем и вытягиваю из кармана сложенную записку. Бумага стала мягче от тепла, угол намок там, где я задевала её ладонью.

На обороте записки пусто. Я расправляю сгибы, но никаких имён или дат не нахожу.

Нужно было отдать её Клэр. Почему-то при мысли об этом я только глубже прячу бумажку в карман.

Пишу Майе: «Я уже в комнате. Всё хорошо. Ты ушла?» Ответ приходит не сразу, и я ставлю телефон заряжаться на столе. Лампа возле кровати отбрасывает в окно яркое отражение; за ним ничего не видно, поэтому я прикрываю плафон ладонью.

На противоположном тротуаре стоит человек. В этот раз он не у аптеки, а ближе к углу кафе, откуда хорошо видны мои окна. Голова приподнята, лицо тонет в тени под козырьком соседнего магазина.

Убираю ладонь — улица исчезает. Прикрываю свет снова: человек остаётся на месте, и меня прошибает озноб.

Беру телефон, выключаю вспышку и делаю несколько снимков из-за края рамы. На одном получается размытый силуэт рядом с белым прямоугольником дорожного знака. Я увеличиваю фотографию, но вместо лица вижу только крупные серые квадраты.

Он опускает голову и уходит за угол. Пока жду его возвращения, над кафе гаснет вывеска.

Телефон вибрирует. Номер незнакомый; в сообщении одна строчка.

«Анна, это Эмили».

Смотрю на часы: 23:10. Наверное, Майя дала ей мой номер, вспомнив о забытых вещах, и больше здесь нечего придумывать. Я набираю ответ, но прежде, чем успеваю отправить, появляется следующее сообщение.

«Не позволяй мужчине из кафе узнать, где ты живёшь».

Сдёргиваю шторы, встав сбоку от окна. Кольца застревают на стыке карниза, и я тяну сильнее.

На экране возникает фотография. Знакомый шкафчик снят с близкого расстояния; на верхней полке бордовая помада, а под ней угол белого пакета. На внутренней стороне дверцы прилипла жёлтая наклейка — я заметила её, когда ставила сумку.

«Не выбрасывай помаду. Пожалуйста».

Я пишу: «Откуда у вас мой номер? Кто этот мужчина?» Подумав, добавляю: «С вами всё в порядке?» Над сообщением не появляется ни отметки прочтения, ни движущихся точек, и это возвращает мне способность действовать.

Нажимаю вызов. Уменьшаю громкость гудков. Под окном проезжает машина, за дверью тихо. После нескольких сигналов включается обычный голос оператора, предлагающий оставить сообщение.

— Эмили, меня зовут Анна, я сегодня начала работать в кафе. Вы только что мне написали. Пожалуйста, перезвоните.

Звоню Майе, но та не отвечает. Приходит текст: «В автобусе, шумно. Что случилось?» Отправляю номер, спрашиваю, её ли это подруга.

Ответа приходится ждать меньше минуты. Пока он идёт, я проверяю замок, потом ручку: дверь закрыта. Под ней полоска света с лестничной площадки, и возле косяка аккуратный потёк свежей белой краски.

«Да, это её. Даже фото то же. Она тебе написала?»

В профиле женщина прикрывает глаза ладонью, лица почти не видно. Мне незнакома, но Майя опознала.

«Ты дала ей мой номер?»

Майя отвечает сразу: «Нет. Мы с ней с прошлой недели не разговаривали». Следом предлагает позвонить, как только выйдет из автобуса, и просит пока ничего не выбрасывать. Я отвечаю, что уже в комнате, хотя писала ей это несколько минут назад.

Помада осталась в подсобке. Снимаю записку и буквы на фартуке: пока это всё, что я могу проверить сама.

Больше никто не пишет. Снизу доносится короткий удар, и я замираю, вслушиваясь в то, что следует за ним: гул труб, шелест машины по мокрой дороге, собственное дыхание. Вспоминаю ключи в руке Дэниела и успокаиваю себя, что у хозяйки съёмного жилья всегда есть запасной комплект.

Придвигаю к двери стул, чтобы заскрипел, если её откроют. Снова надеваю пальто, сажусь на кровать и жду звонка Майи.

Экран снова загорается. Тот же номер, та же ладонь, закрывающая лицо.

«Если я попрошу тебя открыть дверь ночью, не верь мне».

Глава 2

Утром стул всё ещё стоит у двери. Не помню, когда сняла пальто: до звонка Майи или уже после. Мы проговорили почти час, но так и не решили, что делать с сообщением Эмили.

Я не открывала дверь. Никто и не приходил.

Прежде чем отодвинуть стул, проверяю телефон. Ответов нет. За шторами слышны мусоровоз и детские голоса; ночной страх кажется чем-то, за что теперь полагается извиниться.

До обеда я успеваю забрать чемодан из прежней комнаты. Хозяйка просит не забыть отдать ключ и тут же, при мне, передаёт его мужчине с рулоном обоев. Я смотрю на этот обмен дольше, чем нужно, потом выхожу под морозящий дождь.

В кафе прихожу раньше четырёх. Майя сидит у кухонного окна с тарелкой картошки и учебником, прикрытым от брызг прозрачной папкой. Увидев меня, отодвигает стул ногой.

— Сначала съешь что-нибудь. Потом рассказывай, как спала.

— Ты видела время моего последнего сообщения?

— Поэтому и предлагаю еду.

Она подвигает ко мне хлеб. Я собиралась сказать, что не голодна, но от запаха горячей картошки сводит желудок. Мы едим из одной тарелки. В чай я сыплю две ложки сахара, шучу, что иначе не доживу до конца смены, и показываю Майе ночную переписку.

— Звонила ей утром? — спрашивает Майя.

— Дважды. То же самое. А ты?

— Не отвечает. Я написала её бывшей соседке, но у той сейчас смена.

— Клэр знает, что Эмили мне пишет?

— Я не говорила. Хотела сначала поговорить с тобой.

Мимо грохочет тележка с посудой. Мы отодвигаемся, пропуская повара; Майя счищает с тарелки подсохший соус.

— Она собиралась на концерт в пятницу, — говорит она. — Купила два билета. Я ещё обиделась, что не меня позвала.

— Может, поехала с тем, для кого купила второй?

— Может. Только концерт здесь, в Грейфорде. И денег у неё было не столько, чтобы забыть зарплату.

Я перестаю жевать. Майя кивает в сторону кабинета Клэр: там до сих пор лежит конверт с оплатой последних смен. Эмили дважды просила выдать её пораньше, потому что нужно было внести очередной платёж за учёбу, а потом не забрала.

— За какую учёбу?

— Вечерний курс редакторов. Говорила, хочет вернуться к нормальной работе. Я её спросила, значит ли это, что у меня ненормальная, и мы поругались.

— Серьёзно?

— Ну, я с ней не разговаривала до обеда. Она к вечеру принесла мне булочку. Так обычно и мирились.

Майя улыбается, опустив глаза. Теперь я могу представить Эмили: знает, какую булочку любит коллега, а попросить прощения не умеет.

Клэр застаёт нас, когда мы убираем посуду. Спрашивает, почему я так рано, и я отвечаю, что хотела обсудить комнату и сообщения. Показываю экран; она придерживает очки двумя пальцами и читает, не прокручивая переписку дальше первого предупреждения.

— Вот что она написала мне.

Клэр достаёт свой телефон. На экране сообщение с прошлого воскресенья: «Мне пришлось уехать. Работать больше не буду. Вещи можете убрать, за деньгами свяжусь позже». Ни просьбы об отсрочке, ни объяснения, куда она отправилась.

— Но документы остались, — говорит Майя. — Диплом, который я ей сканировала. Она бы за ним вернулась.

— Если понадобится, вернётся. Я ничего не выбрасывала.

— Она пишет мне так, будто чего-то боится, — говорю я.

— Тогда, вероятно, стоило бы объяснить, чего именно. Я не могу отвечать за каждое её знакомство.

На стойку рядом со мной ложится маленькая металлическая задвижка. Дэниел стоит с другой стороны, в рабочей куртке, и я не знаю, давно ли он слушает. Клэр забирает телефон и уходит к доставщику у входа.

— Могу поставить вечером, — говорит Дэниел. — Если беспокоишься из-за комнаты. Изнутри закроешь, и никто не войдёт.

— Ты подбирал её для меня?

— В машине лежала. Клэр сказала, ты плохо спала.

Клэр не успела бы сказать ему это сейчас. Вспоминаю тележку на кухне: кто ещё ходил мимо, я не заметила.

— Не надо пока. Я сама решу, что поставить.

— Хорошо. Только не увязни в чужих отношениях. Иногда людям нужно, чтобы их оставили в покое.

Он забирает железку. Я благодарю, хотя благодарить, кажется, не за что, и возвращаюсь на кухню за чистым фартуком. Майя задерживается рядом, будто ищет повод не отпускать меня сразу в зал.

— Помаду посмотрим, — шепчет она. — Когда закончим. Если Эмили так просит, там что-то должно быть.

К закрытию дождь стихает. Складываю сахарницы, стараясь не смотреть на часы. В телефоне за день прибавились только реклама, сообщение от мамы и вопрос прежней хозяйки о забытом полотенце.

Клэр отпускает повара и запирает кассу. Я слышу, как щёлкает замок кабинета, затем скрипит дверь на служебную лестницу. Когда хозяйка исчезает наверху, Майя берёт с крючка ключ от подсобки.

Футляр скатился в рукав ветровки. Вытаскиваю его из пакета; Майя включает фонарик на телефоне и кладёт на полку.

— Может, она имела в виду сам цвет? — говорю я.

— Что?

— Не знаю. Что-нибудь, что ты поймёшь. Название или номер.

На этикетке девятый оттенок дешёвой марки; под крышкой остаток помады. Не могу объяснить даже себе, чего ждала.

Майя крутит основание. Помада не поднимается, зато нижняя часть футляра чуть отходит; я замечаю зазор и прошу остановиться. Между пластиком и доньшком зажат тонкий белый уголок.

— Погоди. Дай мне.

Я поддеваю край ногтем. Накладка отщёлкивается, выпадает сложенная бумажка. Майя ловит её обеими ладонями.

Это узкий отрывной корешок. Разворачиваем его на полке: название хранилища при автостанции, номер сорок семь, дата оплаты и отметка «До 23 октября». Ниже мелким шрифтом — часы работы дежурного, до одиннадцати вечера.

— Сегодня семнадцатое, — говорит Майя.

— Ещё шесть дней.

На обороте от руки выведены две буквы: L. C. Я наклоняюсь ближе к свету, но ничего больше там нет. Фотографирую обе стороны и кладу корешок на развернутый пакет, чтобы случайно не потерять.

— У неё был ключ, — вспоминает Майя. — Маленький, на шнурке. Я думала, от велосипеда, но велосипеда у неё не было.

— Она говорила об автостанции?

— Нет. Один раз просила подменить её на полчаса. Уходила без куртки, потом ругалась, что замёрзла. Но это могло быть куда угодно.

Сверху раздаётся удар. Я вздрагиваю, задеваю открытой дверцей локоть Майи, и она шипит от боли, а я накрываю бумажку ладонью. Потом что-то тяжёлое скребёт по полу прямо над нами.

На крючке дребезжат ключи. За скрежетом будто слышится голос, но включается вытяжка и забивает остальные звуки.

— Там кто-то живёт?

— Раньше жили. Сейчас склад.

— Эмили там была?

— Она, как и ты, снимала через дорогу. Клэр не любит пускать наверх.

Клэр спускается с полотенцем в руках; на рукаве белая пыль. Мы обе замолкаем и этим словно выдаём себя.

— Вы ещё не закончили?

— Сейчас, — отвечает Майя. — Что там грохнуло?

— Лопнула труба. Пришлось отодвигать стеллаж.

Клэр смотрит на мои руки. Я держу футляр помады, нижнюю крышечку уже защёлкнула обратно; корешок лежит под краем пакета. Она переводит взгляд на Майю и напоминает, что в раковине остались подносы.

Хозяйка возвращается в кабинет. Я жду звука ключа, но дверь только прикрывается. Наверху не слышно ни капель, ни движения воды, а полотенце, которое Клэр несла в руках, выглядело совершенно сухим.

— Время, — говорит Майя.

На телефоне 22:08. До закрытия хранилища меньше часа, а автобус до автостанции останавливается за аптекой; я замечала номер маршрута вчера, пока высматривала мужчину. Добраться туда можно минут за пятнадцать.

— Хочу спросить, что нужно для получения. Вдруг она оставила там документы или другой телефон.

— Анна, это чужая ячейка.

— Я не собираюсь ничего вскрывать. Просто узнаю.

Майя вынимает из шкафа мою куртку. Смотрит так, словно хочет возразить, но ей нечего противопоставить короткому разговору с дежурным; тогда она просит прислать маршрут и написать, как выйду оттуда. Я записываю номер на корешке ещё раз, фотографирую пакет с вещами и закрываю шкафчик.

— Помаду оставим здесь, — говорит она. — Чтобы не потерять.

Убираю бумажку в кошелек рядом с проездным. Майя обнимает меня одной рукой, другой придерживая мокрый фартук.

Выхожу через зал. Клэр спрашивает, куда я тороплюсь, и я отвечаю, что мне нужно на автостанцию. Она смотрит на часы над кофемашиной, затем на мою сумку, но больше ни о чём не спрашивает.

Сажусь ближе к водителю. За стеклом огни вытягиваются в полосы; бумажка в кошельке кажется слишком маленькой для дороги, которую я ради неё проделываю.

Хранилище занимает пристройку между кассами и туалетами. Внутри гудит обогреватель, на стене экран с камерами; пожилой дежурный ест суп из пластикового контейнера. Увидев меня, накрывает его крышкой и подвигает журнал.

— Выдача?

— Я хотела узнать, что нужно, если потерял ключ.

— Документ и второй экземпляр договора. Вскрытие оплачивается отдельно.

Я кладу квитанцию на стойку. Мужчина разглаживает её ногтем, переворачивает, потом смотрит на меня внимательнее. Суп за его локтем медленно перестаёт дымиться.

— Это ваш корешок?

— Он моей знакомой. Она оставила вещи и уехала.

— Тогда пусть знакомая позвонит.

— Мы не можем с ней связаться. Мне от неё приходят сообщения, но она не отвечает на звонки. Можно хотя бы узнать, что лежит внутри?

Дежурный отодвигает журнал. В дальнем конце зала хлопает металлическая дверца.

— Я вам чужие вещи не покажу. Хотите помочь — найдите хозяйку.

— А если с ней что-то случилось?

— Тогда вам в полицию. Они запросят, мы откроем. Но через стойку я ничего не передаю.

Он возвращает корешок. Мне стыдно, что почти хотелось заставить его нарушить правила, только бы упростить свой вечер.

— Ячейка ещё занята?

— До указанной даты оплачено. Больше ничего не скажу.

Я фотографирую табличку с телефоном администрации, благодарю и выхожу. Майе пишу, что без Эмили или официального запроса нам ничего не отдадут. В ответ приходит: «Это нормально. Возвращайся. Уже дома, могу поговорить».

На посадочных площадках стоят два автобуса. В ближнем открыты двери, в дальнем люди ждут отправления, и я смотрю туда только потому, что номер маршрута закрыт рекламой на стекле. У самого окна сидит мужчина в тёмном пальто.

Он тоже видит меня. Не отворачивается, не делает вид, что занят телефоном; просто чуть поднимает подбородок, следя, как я останавливаюсь. На щеке под белым светом салона виден неровный шрам.

Я узнаю его до того, как успеваю решить, похож ли. Перехожу к водительской двери ближнего автобуса и спрашиваю, идёт ли он через Маркет-стрит. Водитель отвечает, что через больницу, потом к площади, и я прикладываю проездной.

Второй автобус отходит раньше нашего. Я вижу мужчину в заднем боковом окне, затем красные огни скрываются за поворотом. Можно выйти прямо сейчас, остаться среди людей и позвонить Майе, но наш водитель уже закрывает двери.

На обратной дороге проверяю каждую остановку. У больницы застреваем за разгружающимся фургоном; я уже устала всматриваться в каждое тёмное пальто.

У площади выхожу вместе с женщиной с двумя сумками. Она сразу сворачивает к переходу; я делаю несколько шагов к аптеке и слышу за спиной:

— Подождите. Мне надо с вами поговорить.

Он стоит под вывеской ремонтной мастерской. Видимо, приехал тем автобусом, который шёл прямо в центр; мокрые волосы прилипли к лбу. Между нами фонарь, мусорная урна и несколько метров пустого тротуара.

— Я не хочу с вами разговаривать.

— Я не собираюсь вам ничего делать. Выслушайте меня.

Он делает шаг, и я отступаю. На другой стороне улицы освещённый продуктовый магазин; у кассы ещё есть люди, над дверью табличка «До полуночи». Перехожу дорогу и иду туда, стараясь не побежать.

Мужчина следует за мной. Я слышу шаги, останавливающиеся, когда приходится пропустить машину, и снова приближающиеся у дверей. В магазине беру первую попавшуюся бутылку воды и встаю у кассы.

— Мне нужна помощь, — говорю продавцу. — За мной идёт человек. Можно я останусь здесь, пока приедет полиция?

Кассир смотрит мне за плечо. Мужчина стоит снаружи, наполовину скрытый рекламным плакатом. На прилавок ложится телефон.

— Звоните. Джули, подойди сюда.

Женщина у холодильника сдвигает тележку, освобождая проход. Я называю оператору адрес, объясняю, что мужчина появился уже не впервые и требует разговора. Когда меня спрашивают, угрожал ли он, честно отвечаю, что прямой угрозы не было.

За стеклом незнакомец поднимает руки, будто хочет показать, что ничего не делает. Потом замечает телефон у моего уха и уходит. Продавец успевает выйти к порогу, смотрит ему вслед и возвращается, покачав головой.

— Побежал?

— Просто ушёл. Но у нас камера. Не переживайте, запись есть.

Я стою рядом с кассой до приезда патруля, не выпуская бутылку. Только когда сотрудница в форме просит показать, куда направился мужчина, замечая, что пластиковые стенки смять. Кассир молча ставит передо мной другую.

Констебль Харпер записывает приметы и смотрит мои фотографии. Напарник договаривается о записи камеры; я оглядываюсь на стеклянную дверь.

— Вы знаете этого человека?

— Он приходил в кафе, где я работаю. Вчера. Сегодня увидела в автобусе, а потом здесь.

— Он знает ваш адрес?

— Не знаю.

Показываю сообщения Эмили. Харпер перечитывает предупреждение и просит адрес кафе и фамилию хозяйки. Говорю также о комнате напротив.

— Там есть кто-то ещё?

— Пока нет.

Посоветовавшись с напарником, Харпер спрашивает, могу ли я переночевать у знакомых. Говорю, что спрошу коллегу.

Майя отвечает со второго гудка. Не требует сначала объяснить, почему я оказалась в продуктовом, а сразу диктует адрес и говорит, что разложит диван. Я прошу немного времени, чтобы забрать из комнаты вещи.

Харпер провожает меня домой. Мимо места, где стоял мужчина, прохожу, не поднимая глаз. Кафе тёмное, лишь на служебной лестнице горит свет.

Дом напротив заперт. Я сама открываю уличную дверь, включаю свет на лестнице и почему-то заранее извиняюсь за запах краски. Харпер поднимается за мной, не торопя.

У комнаты останавливаюсь. Поворачиваю ключ, берусь за ручку — и на секунду забываю, зачем пришла: внутри всё почти как утром. Пальто на стуле, чемодан у шкафа, лампа у кровати.

Потом вижу чашку.

Она стоит на подоконнике, рядом с занавеской. Белая, с узким зелёным ободком; точно такие мы сегодня ставили под кофемашину. Я знаю, что не приносила её сюда, потому что вечером хотела выпить воды и пила из ладоней над раковиной.

— Пожалуйста, не заходите пока, — говорю я.

Харпер останавливается у моего плеча. Я достаю телефон и снимаю комнату с порога, стараясь удержать изображение неподвижно. Затем показываю на чашку.

— Этого утром не было.

— Вы уверены?

— Да. Я только вчера въехала. У меня здесь вообще нет посуды.

Констебль просит разрешения войти. Идёт к окну, не касаясь вещей, смотрит внутрь чашки и предлагает мне остаться у двери. Я всё равно вижу белый прямоугольник над краем: туда что-то положили.

— Вы сегодня ждали кого-нибудь?

— Нет.

— У кого есть ключи?

Приходится назвать Клэр. Про связку Дэниела рассказываю тоже, отдельно поясняя, что не знаю, был ли там второй от моей двери. Харпер задаёт ещё несколько вопросов, потом просит номер хозяйки.

Клэр приходит через десять минут в застёгнутом наспех кардигане. До сих пор я стеснялась своего страха. Теперь вижу её недовольство и злюсь. Она первым делом спрашивает, что произошло с комнатой.

— С комнатой ничего, — отвечаю я. — Кто-то был внутри.

— Я заходила днём. Проверить радиатор. Трубы старые, я проверяю после каждого заседания.

— Я не просила проверять.

— Анна, это мой дом. Если потечёт батарея, ущерб будет тоже мой.

Харпер спокойно вмешивается, просит Клэр уточнить время и рассказать, что именно она делала. Та указывает на вентиль под окном, говорит, что ничего не трогала на столе и чемодан не открывала. О чашке узнаёт якобы только сейчас.

— Она из вашего кафе? — спрашивает констебль.

— У нас такие. Это обычная посуда, её можно где угодно купить.

— Вы её сюда приносили?

— Нет. Может, Анна забыла.

— Я не забыла.

Клэр поворачивается ко мне. Ноги трясутся, но я остаюсь на пороге и не отвожу взгляда.

— Вы можете предупреждать, когда собираетесь войти? — спрашиваю я. — Не после. До того, как откроете.

— Мы с вами ещё даже договор не подписали.

— Я получила ключ. Здесь мои вещи. Вы не можете просто...

Я запинаюсь, потому что не знаю, как закончить без дрожи. Харпер говорит, что вопросы доступа нужно оговорить отдельно, а сейчас ей необходимо записать объяснения и сохранить обнаруженное. Клэр предлагает решить всё утром, когда мы выспимся.

Констебль фотографирует чашку и бумажку внутри. Уголки подцепляет так осторожно, что я почти перестаю дышать; строчки становятся видны не сразу, и от этого несколько секунд тянутся мучительно долго.

«С двумя ложками сахара. Я запомнил».

Я закрываю глаза. Сегодня в обед я сама положила две ложки в чай, который Майя поставила возле тарелки, и вслух пошутила, что собираюсь дожить до конца смены. На кухню тогда мог зайти кто угодно.

Забираю куртку, телефон, кошелёк и бельё. Чемодан оставляю: не хочу задерживаться. На вопрос Клэр о завтрашней смене отвечаю, что пока не знаю.

Майя открывает дверь с мокрыми после душа волосами. Увидев моё лицо, ставит кружку на полку; только тогда я разжимаю пальцы.

Пока рассказываю, Майя застилает диван. Кладёт рядом зарядку, спрашивает, оставить ли свет в коридоре.

Сплю плохо, но всё-таки сплю. Утром на телефоне пропущенный вызов с неизвестного номера и сообщение от констебля Харпер: со мной хочет связаться детектив Рут Эллис. Уточняет удобное время, просит сохранить переписку целиком.

После полудня приезжаю в отделение. Рут сама выходит за мной, в свитере, с блокнотом. После ночных переживаний её обычный вид почти разочаровывает.

— Сначала расскажите по порядку, — говорит она, усадив меня за стол. — Как получили работу, когда увидели этого мужчину. Если что-то не помните точно, так и скажите.

Я рассказываю. На середине обнаруживаю, что всё время повторяю «наверное», даже там, где знаю наверняка: наверное, чужая чашка, наверное, мужчина тот самый, наверное, хозяйка не должна была входить. Рут дважды просит вернуться к тому, что я действительно видела.

— Я понимаю, почему вы испугались, — говорит она. — Только для проверки нужно отделить то, что вы видели, от того, что предполагаете.

Я показываю снимки. Шрам на фотографии из комнаты не виден; из магазина получили другое изображение, но мне пока не говорят, удалось ли установить имя. Клэр, по словам Рут, утверждает, что не знает посетителя лично.

— Она сказала ему, что снова вызовет полицию. Значит, раньше вызывала?

— Это проверим.

— А Эмили? Она точно уехала?

— Сейчас мы этого не знаем. Я попрошу проверить её местонахождение и свяжусь с людьми, которые могли с ней разговаривать. Но мне нужно увидеть все сообщения, включая те, которые кажутся вам бессмысленными.

Вчера у кассы, пока ждала патруль, пришло ещё одно сообщение: «Не соглашайся на комнату напротив, даже если предложат вычитать плату из зарплаты». Я видела его, но сил отвечать не было.

Теперь показываю его Рут. Отправлено в 23:10, через сутки после первых предупреждений, когда я уже вторую ночь собиралась провести в этой комнате. Совет опоздал так сильно, что выглядит почти издевательством.

— Если она знает, где я, почему пишет это только сейчас?

— Возможно, не знает. Или не может писать тогда, когда хочет.

Я открываю сведения о первых сообщениях. Три подряд отмечены той же минутой — 23:10: знакомство, предупреждение о мужчине, фотография с помадой. Последнее, про дверь ночью, пришло позже, но остальные словно отправляли сразу пачкой.

— Такое можно заранее настроить? — спрашиваю я.

— Можно. Но одинаковое время само по себе ещё ничего не доказывает. Отправка могла задержаться, сообщения могли уйти вместе после подключения. Я пока не стала бы считать их подтверждением, что с Эмили всё в порядке.

Холодеет во рту. Я задавала вопросы и оставляла голос женщине, которая, возможно, уже тогда ничего не могла услышать. Рут даёт мне время помолчать.

Потом спрашивает, где я собираюсь ночевать. Мы договариваемся, что я пока останусь у Майи; нужно только забрать чемодан и вещи из комнаты. Рут оставляет номер для связи, отдельно просит сообщать о новых попытках контакта и не искать встречи с мужчиной.

Ближе к четырём едем за чемоданом. Сопровождающий сотрудник ждёт у открытой двери; Майя рядом отвечает на звонок с курсов. Собираюсь быстро, не заправляя постель.

Лампа по-прежнему стоит возле кровати. Я не включаю её: днём здесь достаточно светло. Снимаю со спинки стула вчерашний фартук и кладу в отдельный пакет, чтобы вернуть кафе, если больше туда не выйду.

Майя даёт сумку для оставшихся вещей. Надорванная ручка стянута синим шнурком; ставлю её на кровать, складываю футболки, сверху — одолженную утром серую кофту.

Пока ищу в ванной зубную щётку, телефон коротко вибрирует. Я возвращаюсь, поднимаю его со стола и вижу новый номер. Ни фотографии в профиле, ни имени — только прикреплённый снимок.

На нём кровать. На кровати тканевая сумка с узлом из синего шнурка, а поверх вещей серая кофта Майи, которую я впервые надела сегодня.

Из коридора доносятся голоса. Сотрудник спрашивает у кого-то, где здесь выключатель, Майя объясняет в трубку, что пропустит занятие. Они стоят в нескольких шагах от меня, но я не сразу могу их позвать.

На снимке виден край стола. У него лежит мой телефон, который я только что взяла в руку.

Под фотографией одна строчка.

«Ты ещё даже не попробовала здесь жить».

Глава 3

Полицейского я всё-таки позвала. Он вошёл, посмотрел на мой экран, потом встал между мной и окном, словно тот, кто прислал фотографию, мог увидеть нас с улицы. В комнате никого не оказалось, но это уже ничего не меняло.

Мы забрали чемодан и вышли. Часть вещей пришлось оставить до отдельного осмотра; перед дверью сотрудник задержал Майю, переписал её данные и велел не приходить сюда без предупреждения. Фотографию я отправила Рут ещё на лестнице.

Теперь я сижу на кухне Майи и смотрю, как в тостере поднимается хлеб. Прошла целая ночь, в которую никто не пытался со мной связаться. Обычные звуки квартиры понемногу перестают требовать объяснения: стук в ванной означает, что сосед поставил шампунь на раковину, а шаги этажом выше принадлежат людям, которым нет до меня дела.

— У тебя сгорел, — говорит Майя.

Она поддевает мой тост вилкой. На столе две тарелки, масло и телефон, лежащий экраном вниз; я сама его перевернула, но всё равно поглядываю на чёрный чехол. Ночью Майя оставляла дверь спальни приоткрытой, и теперь я боюсь разбудить её соседей даже звоном ножа.

— Можно ещё одну ночь? — спрашиваю я.

— Можно. Я уже сказала Бену.

— Я заплачу.

— Лучше купи потом молока. Только обычного: Бен овсяное не признаёт.

Я улыбаюсь и пытаюсь намазать тост. Масло твёрдое, хлеб крошится под ножом, и маленькая неудача вдруг оказывается последней из тех, которые я могу вынести. Кладу нож и отворачиваюсь.

Майя не трогает меня. Отодвигает тарелку, ждёт, пока я снова смогу смотреть ей в лицо. Хочется объяснить, что дело не в завтраке и даже не только в фотографии.

— У меня пропала сестра, — говорю я. — Шесть лет назад.

Майя медленно опускает чашку.

— Ты ничего не говорила.

— Мы думали, она уехала. Потом стали думать, что просто не хочет общаться. Сообщения приходили ещё какое-то время. Мама могла целый вечер просидеть у телефона, потому что увидела, что Софи была в сети.

Имя, произнесённое вслух, меняет воздух над столом. Я не рассказывала об этом новым знакомым уже несколько лет; всегда казалось, что за одной фразой немедленно потребуют всю историю. Майя только спрашивает, искали ли её.

— Да. Но она была взрослой, а сообщения... Мы сами за них держались. Если человек пишет, значит, с ним всё нормально. Нам хотелось так думать.

— Поэтому ты не можешь оставить Эмили в покое?

— Наверное. Мне не нравится, что я отвечаю ей, а она будто не слышит.

Майя молча кивает. Потом говорит, что я могу оставаться здесь до конца недели, но диван не станет постоянным решением. Ей нужно ходить на занятия и работать, она не сможет всё время быть рядом, и обещать обратное было бы нечестно.

— Я понимаю.

— Ты только не делай вид, что справляешься, чтобы мне было удобнее. Вчера сказала бы про снимок через час — я бы тебе голову оторвала.

— Там и минуты не прошло.

— Вот и хорошо. Пусть так и будет.

Договариваемся звонить, если меняется маршрут, и не пытаться в одиночку встретиться с мужчиной из кафе. Если приходит что-то новое, сначала сохраняем и передаём Рут, потом уже строим версии. От того, что у утра появляются простые правила, я наконец могу доесть хлеб.

На экране высвечивается неизвестный номер. «Это Дэниел. Клэр сказала, ты не всё забрала. Могу привезти, куда скажешь». Следом ещё одна строка: «Наконец-то здесь есть кому о тебе позаботиться».

— Адрес не давай, — говорит Майя.

Я набираю, что привозить ничего не нужно. Если понадобится забрать вещи, приду с Майей; осмотром комнаты занимается полиция, входить туда не надо. Ответное «Как скажешь» появляется почти сразу.

В кафе мы всё-таки идём вместе. По понедельникам Клэр открывает к полудню, и Майе пора на смену. Мне нужно вернуть ключ, попросить копию оформления и решить, когда смогу выйти на работу. Денег хватит ненадолго, и зал с посетителями кажется безопаснее комнаты, где я должна была спать одна.

Но у окна кафе нас уже ждут.

Он стоит снаружи, прислонившись плечом к каменному откосу. Увидев нас, выпрямляется, и Майя перехватывает меня за рукав; ключ у неё уже зажат между пальцами. Я останавливаюсь в нескольких шагах, достаточно далеко, чтобы можно было развернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.